

«МОЯ ДУША ТЕРЯЕТ ГОЛОВУ»¹
(Ранняя Цветаева в театральной школе)

«И самое обидное, что я ведь знаю,
как меня будут любить через 100 лет»²
М.Цветаева

По дорогам запредельного мира (в романе Милана Кундеры «Бессмертие») прогуливаются и беседуют так хорошо знакомые нам Гёте и Хемингуэй.

« – Вы были осуждены на бессмертие в наказание за то, что писали книги, говорил Хемингуэй.

Гёте пожал плечами и сказал не без гордости: «Наши книги, возможно, бессмертны. Возможно. *Но не мы*».

– Как раз наоборот, горько возразил Хемингуэй. Наши книги, всего вероятнее, скоро перестанут читать. От вашего Фауста останется лишь дурацкая опера Гуно. И еще, пожалуй, строка о том, что вечная женственность манит нас к себе...

– Das Ewigweibliche zieht uns hinan, продекламировал Гёте.

– Правильно. Но вашей жизнью до мельчайших подробностей люди никогда не перестанут интересоваться.

– Вы все еще не поняли, Эрнест, что лица, о которых они говорят, *не мы*?

– Не пытайтесь утверждать, Иоганн, что вы не имеете никакого отношения к Гёте, о котором все пишут и говорят...

– Нет, это не я, сказал Гёте очень твердо».³

Перечитав в который раз «Бессмертие» Милана Кундеры, я (с блаженным вздохом – в который раз) подумала о затейливости и утомительности земного бытия, о его загадках без ответа, о посмертной участи гениев, обреченных на бессмертие «в наказание» за то, что они создали... И, разумеется вернулась к Марине Цветаевой. Может быть, то, что мы говорим о ней – тоже *не она*?

Марина Цветаева довольно благополучно перешагнула в двадцать первый век (и в третье тысячелетие). По отношению к Цветаевой слово «благополучно» звучит почти кощунственно, и тем не менее...

Она расположилась в начале нынешнего века, пожалуй, лучше многих своих собратьев по перу и эпохе. Ее много издают и довольно много читают. Хотя круг фанатов (и фанатов) сузился, – ей это не страшно. Она и не должна царить в просторах массовой культуры. Ее по-прежнему читают – вынуждена возразить себе – нет, не по-прежнему: больше всего и подробнее всего интересуются ее биографией. Творчеством – гораздо меньше. В последнее время самым сокрушительным открытием были недавно изданные дневники Мура (Георгий Эфрон. Дневники. В 2-х томах). Они обсуждаются жарко, – с разными оценками, часто противоположными. Одни видят в этих дневниках мировоззрение подростка, исковерканное отцом, другие – какой он взрослый, умный,

одаренный, и какая у него трудная мать, третьи – время (дневник – развернутый документ эпохи), четвертые – что эти дневники вообще не надо было обнародовать и т. д. Мне кажется, что дневники содержат в себе и первое, и второе, и третье, и даже четвертое.

Вышла переписка с Борисом Пастернаком, с издателем Вадимом Рудневым, с Николаем Гронским, с Натальей Гайдукевич. – Все эпистолярный жанр, сегодня, пожалуй, наиболее любимый (и информация, и эмоции) – ибо читатель заглядывает туда, куда его не приглашали. Я ничуть не осуждаю интерес читателя к письмам и дневникам Великих. Ничего плохого нет в том, что люди хотят подробностей. Иногда застаю себя на том, что кидаюсь на «Сводные тетради» и «Записные книжки» с бóльшим азартом, чем на «Ариадну» или «Федру». В письмах и тетрадях часто встречаются пронзительные умозаключения, которые потом нигде не встретишь. Например, у Цветаевой: «Тело –местилище души. Поэтому – и только поэтому – не швыряйтесь им зря!»⁴. Время от времени, я осторожно (чтоб не подумали, что осуждаю или поучаю) цитирую эти слова своим студентам, – завтрашим актерам и режиссерам. Марина Цветаева в театральной школе – вообще тема очень интересная.

Тридцать и двадцать лет назад все молодые артистки (и студентки) непременно и захлеб читали со сцены и просто подругам цикл «Дон-Жуан». Не весь цикл, разумеется, но уж тихий и проникновенный надрыв на стихе: « – Не было у Дон-Жуана – Донны-Анны!», – я слышала от кого-нибудь хоть раз в неделю.

Под шестой березой
За углом у церкви
Ждите, Дон-Жуан!..

или:

А пока – спокойно спите!..
Из далеких стран
Вы пришли ко мне. Ваш список –
Полон, Дон-Жуан!

Ах, как любили лет тридцать назад – девчонки и молодые (и *не* молодые) актрисы читать эти жаркие, заманчивые стихи, где волей (своеволием) поэта встречаются Кармен и Дон-Жуан – двое – самых романтических, самых грешных и неотразимых:

Ровно – полночь.
Луна – как ястреб.
– Что глядишь?
– Так – гляжу!
– Нравлюсь? – Нет.
– Узнаешь? – Быть может.
– Дон-Жуан я.
– А я – Кармен».⁵

Сегодня девочки, поступающие в театральные ВУЗы, старательно и страдательно читают «Когда я буду бабушкой...» и монолог Федры. Донна-Анна никого не волнует. Казанова победил Дон-Жуана. – Он куда более обольстителен, популярен, современен (Кино! Фелини! – т.е. не все знают, что это Феллини, но артист Дональд Сазерленд им очень-о-очень). Те, кто интересуются театром, знают Казанову и Федру. Пьесы про них всегда идут в каком-нибудь театре. Текст там звучит неразборчиво, но страсти – налицо. Студентки старших курсов любят «Повесть о Сонечке», «Поэму конца» и хотят играть «Федру». Спрашиваю, чем же их – *юных* – так греет Федра (женщина бальзаковского возраста, испепеленная страстью к пасынку)? – Ответ бывает почти один: «Ну-у-у... она

так переживает,.. она ведь не виновата, что влюбилась,.. что же он... не может что ли...» –
Иные времена – иные нравы, не лучше и не хуже, просто иные. А впрочем, юные актрисы
во все времена хотели играть что-нибудь роковое, трагическое. Именно на творчестве
Цветаевой (которая не собирается погружаться в Лету) интересно наблюдать, как
меняются вкусы, пристрастия, видение мира и себя в нем.

В стихотворении 1919 года «Чердачный дворец мой...» есть такая строфа:

От века поэтов корки черствы,
И дела нам нету до красной Москвы!
Глядите: от края – до края –
Вот наша Москва – голубая!⁶

У юных реакция на эти стихи одна – смех. Они реагируют на слово «голубая». Что,
– они такие примитивные? – Нет. Они – дети своего времени, и ассоциативный ряд у них –
сегодняшний.

Никто сегодня, кроме студенток театральных школ, не заглядывает в раннюю
Цветаеву. Серьезные люди любят позднюю Цветаеву, люди веселые – ее вообще не
любят, но стесняются в этом признаться.

Когда-то я спросила Давида Самойлова: «Почему столько умных и образованных
мужчин не любят Цветаеву?» Он, весело, как всегда, и абсолютно серьезно ответил:
«Потому, что она все делала *сама*. Сама любила, сама рассказывала, как ее нужно любить,
как вообще надо любить. Категорически не одобряла и прямо наотмашь била (словами)
тех, кто не согласен с ней во всем соглашаться. Нам, мужчинам – нечего делать там...»
При этом Самойлов очень уважал и ценил ее безмерное дарование.

Да, она и в самом деле «все делала сама» – это было и свойством натуры, и
жизненной позицией. – «...я *никогда* не хотела, чтобы меня любили (когда это
начиналось, это мне мешало, меня – связывало, нельзя чтобы *двое* любили, лучше – я
(потому что я – лучше (люблю)). Я хотела одного: – *любить*, и в этом, кажется, преуспела,
ибо любила отродясь...»⁷

Прошу прощения за лирическое отступление.

Итак, вернемся в сегодняшний день. Вслед за своими студентками, я время от
времени заглядываю в раннюю Цветаеву. – Смотрю «Вечерний альбом». – Каждое второе
стихотворение – про смерть: всегда раннюю, грустную, красивую, светлую. Вот наивное и
пронзительное стихотворение «Сереже» (1908 г.)

Ты не мог смирить тоску свою,
Победив наш смех, что ранит, жая.
Догорев, как свечи у рояля,
Всех светлей проснулся ты в раю.

И сказал Христос, отец любви:
«По тебе внизу тоскует мама,
В ней душа грустней пустого храма,
Грустен мир, к себе ее зови».

С той поры, когда желтеет лес,
Вверх она, сквозь листьев позолоту,
Все глядит, как будто ищет что-то
В синеве темнеющих небес.

И когда осенние цветы
Льнут к земле, как детский взгляд без смеха,

С ярких губ срывается, как эхо,
Тихий стон: «Мой мальчик, это ты!»

О, зови, зови сильней ее!
О земле, где всё – одна тревога
И о том, как дивно жить у Бога,
Все скажи, – ведь дети знают всё!

Понял ты, что жизнь иль смех, иль бред,
Ты ушел, сомнений не тревожа...
Ты ушел... Ты мудрый был, Сережа!
В мире грусть. У Бога грусти нет!⁸

Отношение к Богу, пока что, традиционное, как во всех верующих семьях, –
заложенное воспитанием. Это добрый герой доброй сказки. Правда, он всегда связан со
смертью, то есть с той жизнью, которая будет после смерти.

А вот «Эпитафия», – написана в том же 1908 г.

НА ЗЕМЛЕ

– «Забилась в угол, глядишь упрямо...
Скажи, согласна? Мы ждем давно».
– «Ах, я не знаю. Оставьте, мама!
Оставьте, мама. Мне все равно!»

В ЗЕМЛЕ

– «Не тяжки ли вздохи усталой груди?
В могиле тесной всегда ль темно?»
– «Ах, я не знаю. Оставьте, люди!
Оставьте, люди! Мне все равно!»

НАД ЗЕМЛЕЙ

– «Добро любила ль, всем сердцем, страстно?
Зло – возмущало ль тебя оно?»
– «О Боже правый, со всем согласна!
Я так устала. Мне все равно!»⁹

(Обратите внимание – ей всего шестнадцать лет.)

В следующем – 1909 году стихотворение «Молитва» - очень известное:

Христос и Бог! Я жажду чуда
Теперь, сейчас, в начале дня!
О, дай мне умереть, покуда
Вся жизнь как книга для меня.

Все знают, как заканчивается оно:

Ты дал мне детство – лучше сказки
И дай мне смерть – в семнадцать лет!¹⁰

Принято вздыхать – ах, какое трагическое восприятие жизни, как она всё
предчувствовала, предвидела... Пожалуй. Но только это не трагический всплеск, а миг

острейшего ощущения радости бытия – осознание счастья, когда радость столь остра, что почти болезненна. По сути это последние слова Фауста: “Verveile doch du bist so schön!” («Остановись, мгновенье! Ты так прекрасно!»). Ощущение, что лучше в этой земной жизни уже не будет, – потому что не может быть. Уйти из этого мира на пике счастья, тем более ей, совсем юной, для которой смерть – это что-то загадочное, отвлеченное и влекущее своей таинственностью. Она не собирается уходить, это мы вкладываем сюда 31 августа 1941 г. – а она об этом не знает, не думает. Мы придумываем за нее.

Почему я коснулась темы Бога? – Сегодня многие студенты – верующие – безо всякого фанатизма, тихо и без пафоса. И вот, читая Цветаеву, они задают иногда вопросы, на которые не ответишь одной фразой и даже тремя. Да я и не чувствую себя вправе давать окончательные ответы.

Например: студент 3-го курса (красивый, успешный, любимый – т. е. окруженный вздыханиями девушек) заявляет мне: «Ваша любимая Цветаева так странно говорит о Боге, что я не понимаю, как Вы (!) можете её любить».

– Что Вас так сразило? (молча радуюсь, что парень читает Цветаеву).

– Вот! – и показывает письмо Цветаевой к В.В.Розанову от 7-го марта 1914 г.

«...Слушайте, я хочу сказать Вам одну вещь, для Вас, наверное, ужасную: я совсем не верю в существование Бога и загробной жизни. Отсюда – безнадежность, ужас старости и смерти. Полная неспособность природы – молиться и покоряться. Безумная любовь к жизни, судорожная, лихорадочная жадность жить. Всё, что я сказала – правда. Может быть, Вы меня из-за этого оттолкнете. Но ведь я не виновата. Если Бог есть – Он ведь создал меня такой! И если есть загробная жизнь, я в ней, конечно, буду счастливой. Наказание – за что? Я ничего не делаю нарочно...» (это маленький фрагмент письма).¹¹

И идет долгий неспешный разговор, в котором мы оба согласны с Цветаевой по крайней мере в одном – что это Бог сделал нас такими – т. е. разными. Как объяснить молодому человеку, как убедить его, что письмо – есть отражение её тогдашнего состояния и душевного неспокоя? – Только погрузив его в атмосферу жизни Цветаевой в этот период. Люблю даты – они глубоко психологичны. Итак, в августе 1913 она познакомилась с Петром Эфроном (родным братом Сергея Эфрона). Он болен туберкулезом, безнадежно болен.

20 сентября 1913 г. письмо М.С.Фельдштейну: «Начнем с того, что прекрасные глаза, недуг и недружелюбие Петра Эфрона два дня не давали мне покоя и продолжают быть моей мечтой ещё и теперь – раз в неделю, в течение пяти минут перед тем, как заснуть. Его худое лицо – совсем не красивое, его истомленные глаза – прекрасные (он как бы не имеет сил открыть их полностью) могли бы стать моей истинной болью, если бы моя душа так гибко не уклонялась бы от всякого страдания, сама же летя в его распростертые объятия».¹²

А в письме к Е.Я.Эфрон от 18-го марта: «Я люблю безумного погибающего человека и отойти от него не могу – он умрет...»¹³

Эти слова написаны (выкрикнуты) через десять дней после приведенного выше письма к В.В.Розанову. В том же письме: «...если Вы мне напишите, не старайтесь сделать меня христианкой. Я сейчас живу совсем другим».¹⁴

Смятение чувств и мыслей обусловлено не только свойствами натуры, но и жизненными обстоятельствами (не бытовыми, а душевными). Влюблена в родного брата своего мужа, человек этот болен, он безнадежен, он скоро уйдет в мир иной. Любовь, соединенная с жалостью, нежностью – болезненно остра.

А вот письмо к Петру Эфрону от 14-го июля 1914 г.: «Мальчик мой ненаглядный! Сережа мечется на постели, кусает губы, стонет. Я смотрю на его длинное, нежное, страдальческое лицо и всё понимаю: любовь к нему и любовь к Вам. Мальчики! Вот в чем моя любовь... Хочется соединить в одном *бесконечном* объятии Ваши милые темные головы, сказать Вам без слов: «Люблю обоих, любите оба – навек». Петенька даю Вам свою душу, беру Вашу, верю в их бессмертие. Пламя, что ожигает меня, сердце, что при

мысли о Вас падает, – вечны. Так неожиданно и бесспорно вспыхнула вера...
преклоняюсь перед Вашим страданием, чувствую Вас святым».¹⁵

Что это было? – Любовь? Увлечение? – У Цветаевой всё – любовь, даже если в скором времени приходит разочарование. В случае с Петром Эфроном разочарования не последовало – он умер 28 июля 1914 года, оставив в душе её нежность, ничем не замутненную.

Я вижу, я чувствую, – чую Вас всюду!
– Чтó ленты от Ваших венков! –
Я Вас не забыла и Вас не забуду
Во веки веков!¹⁶

Эти строки написаны уже после его смерти (4 октября 1914 г.).

– «Так что же это было?» – Это
Рассудит иной Судья.¹⁷

А эти строки за две недели до его смерти.

Вот обо всём об этом мы и беседуем со студентом. И нет здесь учителя и ученика: есть два взрослых человека, размышляющих о земном бытии и о Создателе. И о том, и о другом мы можем только догадываться, предполагать, надеяться на... Словом, сплошные многоточия. В данной ситуации Цветаева – повод прислушаться к себе, к своей душе. Именно на нашем предмете студент трудится над своей душой (развивает её, открывает для самого себя – чтоб потом отдавать).

Кстати, почти в это же время, одна студентка страстно захотела работать над стихами из цикла «П.Э.» – не зная, разумеется, ни о чём, – просто стихи понравились (и я её понимаю). Мы делали не весь цикл, а только первые два стихотворения («День августовский тихо таял...» и «Прибой курчал у скал...»)¹⁸ Не стану рассказывать, как мы работали над стихами, скажу только, что в первую очередь я ей показала письмо Цветаевой к Фельдштейну (приведенное мною выше) – для того, чтобы она нашла верный психологический тон в этих стихах. А вот судьбу Петра Эфрона мы в разговоре задели только слегка, – иначе эти стихи звучали бы непременно трагически, а это было бы неправдой, – два первых стихотворения сильно отличаются от последующих пяти – этого цикла.

Раз уж я вспомнила то письмо, не могу удержаться. Чтобы не повторить одну фразу из него: «... если бы моя душа так гибко не уклонялась бы от всякого страдания, сама же летя в его распростертые объятия». – Вот. Это её суть. Движения души (перемены настроения, а значит и мироощущения) не поддавались контролю даже её мощного разума. Бесконечные, стремительные выражи мысли и чувства. Иногда кажется она сама себя не успеваешь застать на очередном повороте и потом догоняет, удивляясь самой себе.

Апрель 1919: «Нервы – тончайший мост между душой и телом. Смерть страшна только телу. Душа её не мыслит. Поэтому – в самоубийстве – тело – единственный герой. Героизм души – жить, героизм тела – умереть.»¹⁹

Август 1919: «Не любить меня – значит не любить ничего. И мой суд в таких случаях быстрый и правый. Я всё говорю: любовь, любовь. Но – по чести сказать – я только люблю, чтобы мной любовались. – О, как давно меня никто не любил!»²⁰

Ноябрь 1919: «Люди не знают, что – когда я с ними, я веселюсь – потому что я с ними. Мне в голову не приходит смеяться, когда я одна. Москва 19-го года ничему не удивляется: мне самое время жить. Победить старость – как сейчас – молодость – мне поможет – Ирония.²¹ Я живу, как другие танцуют: до упоения – до головокружения – до тошноты! Я знаю, кто я: Танцовщица Души. Когда мне больше не во что играть, я играю в добродетель».²²

Поскорее бы с тобой разделаться,
Юность – молодость, – эка невидаль!
Все: отселева – и доселева
Зачеркнуть бы крест на крест – наотмашь!

И почить бы в глубинах кресельных
Меж небесных планид бесчисленных,
И учить бы науке висельной
Юных крестниц своих и крестников.²³ (октябрь 1919 г.)

Не будем касаться темы её мятежности – она очевидна и пожизненна. Да и кто из творцов – не мятежник. В смирении – нет творчества, в вере – есть. Но вера – не предполагает бесконечного смирения.

1918-1919 гг. – трудный период её жизни – счастливейший период её творчества. Боль и растерянность – жив ли Сергей Эфрон и где он, заботы о пропитании и детях. И параллельно – стихи, пьесы, влюбленности, сменяющие одна другую. Влюбленности, внезапно наступающие её и также стремительно проходящие. Мы должны быть благодарны ей за них, – влюбленность дает вдохновение. Безответная любовь – особенно плодотворна для стихов.

Каждый стих – дитя любви,
Нищий незаконнорожденный.
Первенец – у колеи
На поклон ветрам – положенный.

Сердцу ад и алтарь,
Сердцу – рай и позор.
Кто отец? – Может – царь.
Может – царь, может – вор.²⁴ (14 августа 1918 г.)

Они, – те, кого затронула она своей влюбленностью, вероятно, благодарны ей теперь – она подарила им бессмертие. Они не догадывались, она – знала.

...Любовь отпустит Вас, но – вдохновенный –
Всем пророкочет голос мой крылатый –
О том, что жили на земле когда-то
Вы – столь забывчивый, сколь незабвенный!²⁵

И сегодняшние студентки очень даже любят плыть по течению стиха:

Я помню ночь на склоне ноября.
Туман и дождь. При свете фонаря
Ваш нежный лик – сомнительный и странный,
По-диккенсовски – тусклый и туманный,
Знобящий грудь, как зимние моря...
– Ваш нежный лик при свете фонаря.

И ветер дул, и лестница вилась...
От Ваших губ не отрывая глаз,
Полусмеясь, свивая пальцы в узел,
Стояла я, как маленькая Муза,

Невинная – как самый поздний час...
И ветер дул и лестница вилась.²⁶

И я вижу, как замороженная гармонией стиха, покачивается в такт течению – юная душа, как оттаивает взгляд, и не печаль, а тайная радость просвечивает в нем.

Раз уж речь зашла о Юрии Завадском (стихи, приведенные выше, из цикла «Комедьянт») – самое время и место обратиться к театру Цветаевой.

«Два слова о театре. Не чту Театра, не тянусь к Театру и не считаюсь с Театром. Театр (видеть глазами) мне всегда казался подспорьем для нищих духом...»²⁷ – это авторское вступление к пьесе «Конец Казановы» («Феникс»).

И тогда же, летом 1919 г. – «Я стала писать пьесы – это пришло как неизбежность – просто голос перерос стихи, слишком много воздуха в груди стало для флейты... Пишу, действительно, себя не щадя, не помня».²⁸

Мы должны быть благодарны актерам Второй студии и Третьей студии – они были поводом для создания пьес цикла «Романтика». Ни одна из этих пьес не была поставлена ни в той, ни в другой студии. А сегодня театральная молодежь – режиссеры и актеры с восторгом погружаются в густую атмосферу красивых статей и красивых стихов, – в загадочную (без бытовых подробностей) атмосферу 18-го века.

Сегодня, как и во все времена, – юные дарования (актеры) и молодые творцы (режиссеры) мечтают о красивой, возвышенной любви, даже если скрывают от себя эту тайную мечту: прикрывая ее тонким слоем цинизма, обилием иронии, самоиронии и т. д. А влюбляются – на полный вдох! – И ищут слов, чтобы высказать свою душу, выдохнуть свою страсть и нежность – иначе разорвет! – Тут нужна Цветаева. Студенты никогда не устанут ставить и играть «Метель», «Фортуна», «Приключение» и «Феникса». Отношение к «Каменному ангелу» и «Червонному валету» – несколько прохладнее, хотя монологи и диалоги из этих пьес берут в работу по сценарной речи, и делают бережно и с удовольствием. Однако, герцог Лозэн и Казанова – заманчивей. Цветаевский Казанова не менее (на мой взгляд – гораздо более) обольстителен, чем у Фелини. «Приключение» и «Феникс» всегда манят молодых режиссеров – выпускников театральной школы. Романтика! – любовь и страсть, грусть и Рок. Они (режиссеры) не сразу догадываются, что атмосфера пьес возникает и обволакивает их, благодаря красоте и богатству стиха. Именно он – *стих* – царит в этих пьесах. Но он столь естественен, так легко дышит, что незаметен (как в «Горе от ума» мы даже не замечаем, что живой московский говор уложен в стихи) – мы сразу верим, что в 18-м веке – так разговаривали. Вот диалог Казановы и Франциски (нарочно не буду разбивать на действующих лиц, – иду только за стихом):

«...Когда-нибудь в старинных мемуарах
Какая-нибудь женщина – как я
Такая ж...»

Весь небесный сонм!
Вы – Генриетта или сон?
Не сон я и не Генриетта,
Я – он. Верней сказать: одета
Как мальчик – как бы вам сказать?
Я – девочка.

Но дети спать
Должны, а не бродить, как духи!
Костер в глазах. Сережка в ухе.
Нет, жжется. Брежу или сплю?

Я к вам пришла сказать, что вас люблю.

Так. Значит сплю. Должно быть, по дороге
Из Дукса. Добрый Жак укрыл мне ноги
Плащом. – А все ж польщен! И вот под звон
И стон метельный – сплю. И вижу сон
Так. Стало быть, дитя пришло сказать мне:
«Я вас люблю». Музыка нет приятней
Сих слов. Готов их слушать по часам
(Должно быть их подсказываю сам!)
Мне двадцать лет, я молодой, я храбрый...

– Да вы не спите! Я святую правду
Вам говорю!.. Я знаю, что глупа,
Что так нельзя! Но целая толпа
Гостей у них, и через край все вазы
От роз, а на сударынях алмазы,
Как солнца! А в буфетной – столько вин!
А вы один – такой прекрасный господин!
Так лучше всех!

– Должно быть, лесом еду.

Я молодой?

Нет, вы немножко седы,
Но это ничего.

Во сне – и сед!
Обидно! Значит – девочка и дед,
Да?

Нет, не да! Дед глуп, дед глух, дед в тряпки
Одет. Скелет! И о какой-то бабке
Бормочет от зари и до зари.

Пожалуйста, потише говори.
Боюсь – проснусь!

А это, в узелочке,
Здесь – только вы рассердитесь! – сорочки,
Три штуки.

Неужели ж и сейчас
Я ими озабочен?

Не спросясь –
Вы не рассердитесь – что зачинала?

Хоть и во сне, но это очень мило.
Давно мне их не чинят наяву!
Чуть женский голос – и опять живу!..²⁹

Если актеры научатся подхватывать друг друга внутри строки, не превращать ее в прозу – СТИХ довершит свое дело: и диалог будет, и атмосфера сцены и времени.

Еще одно произведение – «Повесть о Сонечке!» – относится к тому же периоду времени и к тому артистическому кругу, в котором обитала Марина Цветаева. Повесть написана потом (в 1937 г.), но действующие лица, жизнь, дыхание времени, настроение – то самое – *до отъезда*. Студентки очень любят брать в работу «Повесть о Сонечке». Во-первых – два чрезвычайно интересных характера, а во-вторых – *любовь*. Они хотят играть Сонечку, потому что есть возможность сказать свою душу – её словами, потому что Сонечка – сама любовь, и потому что Сонечка – актриса.

« – Ах, Марина! Как я люблю – любить! Как я безумно люблю – сама любить! ... Вы когда-нибудь забываете, когда любите – что любите? Я – никогда... Какие они дикие дураки... Да те, кто *не* любят, сами не любят, точно в том дело, чтобы *тебя* любили. Я не говорю... конечно... – устаешь – как в стену. Но вы знаете, Марина (тайнственно), нет такой стены, которую бы я *не* пробила». ³⁰

В повести Цветаева дает эти слова (целые огромные монологи о любви) – Сонечке, а в жизни – она говорит о себе теми же словами. Помните письмо к Н.Гайдукевич, приведенное выше? – Вот фрагмент другого письма к ней же: «И ещё – как я давно никого не любила, никому не радовалась, никого – ничего – не ждала! О, мне все равно: мужчина, женщина, старик, ребенок – лишь бы любить! *Самой* любить». ³¹

Мне кажется, она всегда будет нужна молодому поколению. Бешеный ритм её душевной жизни, мощная энергия, идущая от её произведений, – красота стиха, захватывающая эмоциональность, разнообразие ритмов и мелодий в её поэзии. Юным впечатлительным душам – есть во что погрузиться.

Но, – возвращаясь к началу – может быть все, что мы знаем и думаем про Цветаеву – не она? – Может быть у поэта – всё метафора – даже собственная жизнь?

«...Я по первому дуновению ветра – другая!» ³² – Марина Цветаева.

-
- ¹ *Цветаева М.* Неизданное. Сводные тетради. Москва, Эллис Лак, 1997. С. 115
- ² *Цветаева М.* Неизданное. Записные книжки. Москва, Эллис Лак, 2000. Т. 1, С. 372
- ³ *Кундера М.* Бессмертие. СПб., Азбука, 2001. С. 265
- ⁴ *Цветаева М.* Неизданное. Записные книжки. Москва, Эллис Лак, 2000. Т. 1, С. 420
- ⁵ *Цветаева М.* Собрание сочинений. Москва, Эллис Лак, 1997. Т. 1, С.334-337
- ⁶ *Цветаева М.* Собрание сочинений. Москва, Эллис Лак, 1997. Т. 1, С. 488-489
- ⁷ *Цветаева М.* Письма к Наталье Гайдукевич. Москва, Русский путь, 2002. С. 58
- ⁸ *Цветаева М.* Собрание сочинений. Москва, Эллис Лак, 1997. Т. 1, С. 19-20
- ⁹ *Цветаева М.* Там же. С. 17
- ¹⁰ *Цветаева М.* Там же. С. 32-33
- ¹¹ *Цветаева М.* Собрание сочинений. Москва, Эллис Лак, 1998. Т. 6, С. 120
- ¹² *Цветаева М.* Там же. С. 112
- ¹³ *Цветаева М.* Там же. С. 87
- ¹⁴ *Цветаева М.* Там же. С. 120-121
- ¹⁵ *Цветаева М.* Там же. С. 131
- ¹⁶ *Цветаева М.* Собрание сочинений. Москва, Эллис Лак, 1997. Т. 1, С. 212
- ¹⁷ *Цветаева М.* Там же. С. 215
- ¹⁸ *Цветаева М.* Там же. С.204-205, 207-208
- ¹⁹ *Цветаева М.* Неизданное. Записные книжки. Москва, ЭллисЛак, 2000. Т.1, С. 318
- ²⁰ *Цветаева М.* Там же. С. 438
- ²¹ *Цветаева М.* Неизданное. Записные книжки. Москва, Эллис Лак, 2000. Т. 2, С. 31-32
- ²² *Цветаева М.* Там же. С. 36-37
- ²³ *Цветаева М.* Собрание сочинений. Москва, Эллис Лак, 1997. Т. 1, С.489
- ²⁴ *Цветаева М.* Там же. С. 419
- ²⁵ *Цветаева М.* Там же. С. 419
- ²⁶ *Цветаева М.* Там же. С.450
- ²⁷ *Цветаева М.* Театр. Москва, Искусство, 1988. С. 360
- ²⁸ *Цветаева М.* Собрание сочинений. Москва, Эллис Лак, 1994. Т. 4, С. 589
- ²⁹ *Цветаева М.* Собрание сочинений. Москва, Эллис Лак, 1994. Т. 3, С. 540-542
- ³⁰ *Цветаева М.* Собрание сочинений. Москва, Эллис Лак, 1994. Т. 4, С. 321
- ³¹ *Цветаева М.* Письма к Наталье Гайдукевич. Москва, Русский путь, 2002. С. 50
- ³² *Цветаева М.* Неизданное. Записные книжки. Москва, Эллис Лак, 2000. Т. 1, С.360